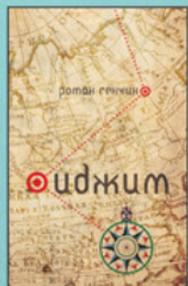

Роман Сенчин

Шайтан

*Часть сборника
Иджим (сборник)*

Роман Валерьевич Сенчин

Шайтан

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685715
Роман Сенчин «Иджим»: ЭКСМО; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-41760-5

Аннотация

«Хозяин не появился, как всегда, на крыльце с дымящейся палочкой между пальцев и не спросил: „Ну, как дела, Шайтанка? Нормально все, а?“ Шайтан вспомнил, что вчера вечером хозяин обещал отпустить его с цепи, сводить на озеро и дать искупаться, и ему стало обидно – хозяин никогда его не обманывал. Он замер возле будки, поднял уши, глядя, не мигая, на дверь избы. Дверь была тяжелой и мертвой, как камень. Шайтан поскулил, приподнял переднюю лапу, будто желая царапнуть дверь, но тут же опустил и, не выдержав, громко, досадливо гавкнул... А хозяин не отозвался...»

Роман Сенчин

Шайтан

Началось так.

Хозяин не появился, как всегда, на крыльце с дымящейся палочкой между пальцев и не спросил: «Ну, как дела, Шайтанка? Нормально все, а?»

Уже давно выполз из-за сарая ослепительный и веселый шар, стал припекать, собирать с травы прозрачные капельки. А хозяина не было. По ступенькам крыльца безбоязненно прыгали воробьи, чирикали, что-то поклевывали...

Шайтан вспомнил, что вчера вечером хозяин обещал отпустить его с цепи, сводить на озеро и дать искупаться, и ему стало обидно – хозяин никогда его не обманывал. Он замер возле будки, поднял уши, глядя, не мигая, на дверь избы. Дверь была тяжелой и мертвой, как камень. Шайтан поскулил, приподнял переднюю лапу, будто желая царапнуть дверь, но тут же опустил и, не выдержав, громко, досадливо гавкнул.

Воробьи взлетели с крыльца, вскрикнул возмущенно петух за забором, ему успокаивающе ответили куры. А хозяин не отозвался.

Вместо него дверь открыла хозяйка, не замечая Шайтана, прижимая к глазам смятую белую тряпочку, постанывая, побежала через двор. Дернула задвижку, скрылась за калиткой.

Калитка сначала закрылась, а потом отползла внутрь ограды. Шайтану стала видна улица. Одинокая, большая, с крикватым стволом сосна, которую метили все кобели их околота, ворота соседей, за которыми жил его главный враг – здоровенный трехлеток Пират... Несколько минут Шайтан смотрел в проем приоткрытой калитки, зачарованный близкой свободой, тоскуя по ней, вспоминая, как хорошо бегал там, от ворот к воротам, как славно когда-то сцеплялся с Пиратом и как они вместе, забыв вражду, гоняли забредшего к ним чужака... Потом вспомнил, что что-то сегодня не так, совсем не так. Снова повернулся к крыльцу, натянул цепь, стараясь учуять свежий запах хозяина.

Глотку свело ошейником, Шайтан отступил, лизнул из миски воды. Прилег на брюхо, не ослабляя лап.

...Он не помнил, откуда взялся. Осознал себя в ящике, набитом сеном, и первым делом увидел большую теплую руку, которая совала ему в нос белое, мокрое, пахнущее чем-то знакомым, известным Шайтану еще оттуда, где он был, ничего не понимая. И тогда он схватил это пахучее, стал сосать его, учиться жевать... Так узнал он смоченный в молоке хлеб и того, кто каждый день кормил его большими теплыми руками, – узнал хозяина.

Иногда хозяин выходил за калитку и исчезал на несколько дней; Шайтан беспокоился, тосковал, но знал, что он обязательно вернется, появится во дворе и, остановившись перед Шайтаном, потреплет его за загривок: «Ну, соскучился,

брат? Нормально дом-то охранял?... Молоде-ец!..» Но вчера, когда яркий горячий шар закатился за землю, хозяин вошел в свой дом, а сегодня не вышел.

Ожидание и тревога стали невыносимы, и Шайтан гавкнул уже несколько раз. Лай как-то сам собой перерос в скуление, а скуление – в вой. Шайтан испугался его, дневного, но черного, как в зимнюю морозную ночь. Испугался, умолк, бес-толково пробежал полукругом возле будки. Зато подал голос Пират – пролаял басовито и насмешливо. Самодовольно.

Обычно Шайтан отвечал ему, и возникали долгие злоб-ные перебранки, так что хозяину или хозяйке приходилось кышкать на него, а то и палкой грозить. Но сегодня Шайтан промолчал; ошалев от неизвестности, снова прилег на брю-хо... Так хотелось вскочить, хвостом завилять, вывалить в улыбке язык – но для этого он должен увидеть хозяина...

Он не знал, сколько пролежал так, глядя в одну точку, на ручку двери. Уже ни о чем не думал, не слышал никаких звуков, слушая только одно – ничем не нарушаемую тиши-ну в доме. И что-то страшное, страшнее катящейся по небу грозы, учуял Шайтан, но, стараясь не верить в это страшное, продолжал смотреть на ручку. Надеялся – сейчас дверь от-кроется и появится он, хозяин. И скажет: «А-а, заждался? Щас хлебца вынесу. Чего-то я заспался сегодня...»

...За спиной шаги и тонкий, повизгивающий голос хозяй-ки, торопливый ручеек тихих слов, которых Шайтан раньше не слышал, не понимал, что они значат.

Не успев подняться, он уловил запах чужого; лапы его дернулись вверх, распрямились, как пружины, и, перевернувшись в воздухе, рыча, еще не видя, кто там, он бросился к калитке.

– Да фу ты! Фу! – сыро, сквозь слезы и одышку закричала хозяйка, дрожащей рукой схватила истершийся, свернутый в трубку ошейник, оттащила Шайтана, сказала в сторону: – Про... проходите быстрее!

Женщина, которую Шайтан уже видел несколько раз в их ограде, почти пробежала к крыльцу, болтая небольшой твердой сумочкой. Пахнуло чем-то едким, тяжелым, как от пьяного...

Вообще-то свирепостью он не отличался, и стоило хозяйину или хозяйке негромко, беззлобно на него прикрикнуть, он замолкал, начинал повиливать хвостом, хотя и напряженно следил за появившимися в его владениях чужими людьми. Сегодня был не такой день. Сегодня было непонятно, странно, жутко. Совсем не так – не так, как всегда.

А дальше он и вовсе не мог ничего понять.

Во-первых, в этот день его долго не кормили. Когда в брюхе начинало сосать, он подходил к миске, обнюхивал ее, пустую и даже почти что совсем потерявшую запах еды, и снова и снова смотрел на дверь... Свинья тоже проявляла недовольство в своей стае – сопела, пыхтела, громко тянула воздух своим пятакон; куры толпились в загончике у самого входа, квохтали, толкались, клевали друг друга... Наконец

появилась хозяйка с куском хлеба. Большим куском! Шайтан обрадовался, забыл о тревоге, даже вскочил на задние лапы, угодливо изогнулся, зачмокал, глотая слюни.

– Да перестань ты! – с досадой выкрикнула хозяйка, оттолкнула его, бросила хлеб внутрь будки.

Конечно, Шайтан метнулся за ним, схватил зубами и полез обратно, но вход уже заваливали треснувшей чугунной плитой. Шайтан толкнул плиту задом, потом с трудом развернулся и ударился в нее лбом. Плита вроде бы подалась, и тут же его пихнул назад громкий приказ:

– Ну-ка лежать там! Фу!

Он замер, прилег. Положил хлеб перед собой, на искрошенную, истертую до трухи солому-подстилку.

Негодной плитой с печки закрывали его и раньше. Не часто, но случалось. И он слышал тогда распевный, сладковатый голос хозяйки: «Проходи-ите, гости дорогие! А мы уж заждали-ись!» И хозяин тоже радовался чужим: «Давайте-давайте! Стол-то прям ломится – надо его скорей разгрузить!»

Мимо будки проходили люди, каждый был со своей поступью, своим запахом, а Шайтан молчал, зная, что опасности нет – все хорошо, это друзья тем, кого он охраняет, кого должен защищать. И ему становилось почти спокойно, как-то приятно-щекотно в брюхе, только немного беспокоило любопытство. Он скашивал глаза в кривую трещину плиты, совал нос в щели с боков... А что сегодня? Тоже, что ли, будут

эти самые гости?...

Забыв о хлебе, Шайтан принюхивался, стараясь уловить новые запахи, пытался увидеть в трещину, что там происходит в ограде, уши его поворачивались на каждый малейший звук. Но – ничего. Очень, очень долго ничего.

Не выдержав, он снова толкнул плиту головой, потом, собравшись с силами, толкнул сильнее. Нет, крепко привалена. Наверно, еще и кирпичами. Хозяин делал так, когда чужие гуляли в ограде.

...Его выпустили только вечером. Выпустил не хозяин и не хозяйка, а похожий на них человек. Он часто здесь появлялся, Шайтан к нему привык.

– Н-ну, вот так-то, бродяга, – голосом, тоже немного напоминающим хозяйский, вздохнул он, – вот... осиротели. Мда-а...

Шайтан потянулся, вильнул несмело хвостом, потом встряхнулся, сбрасывая с шерсти солому и пыль. Поднял морду.

Похожий дымил белой вонючей палочкой, глаза его были где-то далеко и высоко; он вроде бы забыл о Шайтане.

К этому человеку Шайтан всегда испытывал непонятное чувство. С одной стороны, он был для Шайтана следующим после хозяина и хозяйки, иногда они играли; этот человек имел право кормить его, приказывать не лаять или лезть в будку, и Шайтан ему иногда очень нехотя, но подчинялся. Правда, от этого человека пахло, остро пахло другим псом, и

Шайтану иногда хотелось на него броситься, погнать из ограды.

И сейчас он не знал, приласкаться ли к похожему на хозяина или быть начеку... А главным было то, что мучило Шайтана с рассвета, – где сам хозяин, куда он взял и пропал?

Тихим, опасливым скулением он спросил об этом.

– Угу, – очнулся, снова вздохнул похожий, бросил ставшую короткой палочку, положил ладонь на макушку Шайтану. – Видишь, как оно – вдруг... – Раз, другой провел вдоль шерсти, кашлянул, и голос его стал поживее: – Сейчас, значит, я тебя покормлю, попою. Сделаешь свои дела – и давай в будку обратно. Две ночки нам предстоят – э-хе-хе...

Две ночи и два дня Шайтан провел в основном взаперти. Тело ломило от постоянного лежания, лапы затекли, голова кружилась от духоты. Хозяин, делая для него этот домик, явно не предполагал, что Шайтану придется в нем находиться так долго. Да и забирался он туда по собственной воле нечасто – в грозу и сильный дождь, и в морозы самые нестерпимые. Тогда будка была удобной – Шайтан сворачивался клубком и дремал, дыша в теплую сухую шерсть. Теперь же дремать не получалось, и не получалось больше не от неудобства, а из-за тревоги.

Шайтан смотрел в щель плиты до рези в глазах, видел, как по ограде ходят чужие люди, слышал чужие голоса, которые шуршали, шуршали непонятными словами, и лишь из речи похожего он мог выудить что-то членораздельное: «...»

машину нашли... в магазин надо сходить... лапника нарубили?...» И, отзываясь на его голос, Шайтан громко, жалобно, протяжно скулил, бил головой твердую, шершавую стену плиты. Похожий на это коротко и угрожающе отвечал:

– Ну-ка тихо! Л-лежать!..

Поначалу Шайтан лаял на тех, кто шастал мимо, но вскоре понял, что бесполезно, и наблюдал молча, лишь дрожал лопатками, готовый в любой момент, при первой возможности выскочить наружу, и представлял, как грабят, растаскивают, уничтожают то, что так берег, о чем так заботился его хозяин... А хозяйку он за все это время не увидел ни разу, лишь улавливал где-то далеко ее слезливый, измученный голос.

Единственным не то что развлечением, а отвлечением от сумбура вокруг и в себе самом была для Шайтана охота на мух. То одна, то другая влетали через щели между плитой и входом и, противно, занудно жужжа, кружили под потолком, пытались сесть на шерсть. И Шайтан с небывалой злостью гонялся за ними, выгибая шею, рыча, шелкая зубами так, что в пасти появлялся вкус крови.

Похожий на хозяина выпускал совсем ненадолго. Под его взглядом Шайтан лакал воду, справлял нужду на привычном месте – возле трухлявой, лежащей на боку чурки за будкой. Потом похожий давал ему большой кусок хлеба и чуть не пинками загонял обратно в духоту и тесноту... Шайтан через силу, давясь, проглатывал хлеб, от которого сразу хотелось пить и пучило в брюхе, и смотрел, смотрел в кривую

трещину плиты или же сражался с мухами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.